

ОЛЬГА КУЗНЕЦОВА

 <https://orcid.org/0000-0002-9624-5779>

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Кафедра русского устного народного творчества
119991 Москва
Ленинские горы
1-й корпус гуманитарных факультетов
o_kuznetsova@mail.ru

ПТИЧИЙ РАЙ: О СУДЬБЕ РАЙСКИХ ПТИЦ НА РУСИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

BIRDS' EDEN: BIRDS OF PARADISE IN EARLY MODERN RUSSIAN CULTURE

The article discusses the model of synthesising literary images (eclecticism) with reference to the history of birds of paradise in Early Modern Russia.

In medieval Russian books, legendary birds (Sirin, Alkonost, Phoenix, Gamayun, etc.) are depicted and described with their individual characteristics. Some of them have human features (anthropomorphism), others have no legs and never sit on the ground; some can heal, others can be reborn; some fascinate with their singing, others control the elements. In medieval culture, the images of these miraculous birds almost never merge.

In the Early Modern Russian culture, a new "bird pantheon" is being created, the representatives of which are united on a twofold basis: external splendour and special properties of voice. The pantheon includes both characters of medieval legends and real-life birds, especially exotic ones, with which the Russian people begin to get acquainted then, mixing truth and fiction in stories about them. Birds of the "paradise pantheon" replace each other and are being combined. The symbolic paradise in folk culture becomes a space in which their various features are permitted to interact. The hyperbolisation of brightness, beauty and magical properties is perceived in this context as natural and harmonious, and various birds, getting into the "pantheon", lose their individual characteristics and acquire features of their "neighbours". In a drawing a parrot is called a peacock. A canary and a parrot in a wood carving look like a rooster. Gamayun and Alkonost become anthropomorphic (like Sirin) and acquire peacocks' tails. The Sirin's images bear the inscription "Pharaoh", because the siren (*sirena*) is called "*faraonka*" in the Russian culture.

However, the same eclecticism of images and features receives an ironic interpretation in fables and journalistic genres of the 18th century. The enumeration of beauties and wonders turns into grotesque, the multiplication of birds' names, where a peacock and a crow, a parrot and an eagle appear alongside, leads to ridiculing the overall image. The parrot and the raven can replace each other in different translations of a fable because both of them have the ability to speak, but the expectation of a beautiful singing from the crow is a subject of a comic story. Alexander Shishkov enhances the confusion,

naming not only well-known allegories (the parrot as a stupid chatterbox and imitator; a crow in peacock's feathers), but also turning the narrative (a peacock in a crow's feathers). Beautiful and great things become comic and ridiculous in the new culture, but remain relevant in modern kitsch.

Keywords: bird of paradise, high culture and folk culture, Modern Times, the Garden of Eden topos, eclecticism.

Статья посвящена истории образов чудесных птиц в русской культуре XVII—XVIII веков. На стыке Средневековья и раннего Нового времени сирий, алконост, феникс, гамаюн и другие райские птицы претерпевают метаморфозы: они сближаются, приобретают общие черты и в конечном счете начинают смешиваться в текстах и визуальной культуре. Кроме того, в круг райских птиц включаются реально существующие виды с ярким оперением или необычным голосом: павлины, канарейки, попугаи, снегирь. Этот новый «птичий пантеон» возникает под влиянием перехода от средневекового книжного мышления к новому, рационалистическому, и одновременно при переходе образов из элитарной культуры в массовую. Народное воображение создаёт идеализированный тоpos рая с лубочно-яркими персонажами и их диковинными свойствами: гротеск в этом художественном пространстве служит для усиления экспрессии. В то же время в литературе гиперболические описания птиц уходят в сферу комического: с помощью чрезмерных характеристик персонажи басен и публицистических произведений высмеиваются (ворона с «ангельским» голосом, в павлиньих перьях и др.).

Ключевые слова: райская птица, книжная и народная культуры, Новое время, тоpos рая, эклектичность.

На расписной прялке конца XIX – начала XX вв. достаточно правдоподобно изображен попугай с курьезной подписью: «птица павлин» (рис. 1)¹. Попугай (папагал, папег, пепес) был широко известен на Руси уже в XVII в. В *Книге естествословной* (XVIII в.) есть вполне устоявшееся описание попугая с указанием на разный цвет оперения и способность воспроизводить человеческую речь: «Сей великую силу разума внимательного имеет: кто его поймает, коего-нибудь языка изучит говорить – и он вскоре изучится и будет говорить тако, как научен»². Павлин же – одна из самых часто изображаемых и узнаваемых птиц средневековой Руси. Павлины украшали заставки рукописей, барельефы, изразцы, разнообразные изделия; их можно видеть и в книжной миниатюре, часто у древа жизни или райского источника. На иконах и гравюрах павлины изображались среди обитателей рая во многом благодаря своей исключительной визуальной узнаваемости. Но и со сложным хвостом павлин оставался павлином: его отличали хохолок наподобие короны и пестрая окраска (рис. 2). В XVIII в. под влиянием европейской традиции павлин становится устойчивой аллегорией гордости, что проявляется и в эмблематике, и в старообрядческом лубке (сюжеты о смертных грехах). В отличие от попугая павлин не говорит,

¹ Приложение с иллюстрациями к статье находится в конце настоящего издания.

² *Книга глаголемая естествословная*. РГБ. Ф. 68, собрание Генерального штаба, № 6743, л. 83.

не проявляет «силу разума» или склонности к бездумному подражанию. Впрочем, русская культура адаптировала другой сюжет о голосе павлина: любуясь на себя, он внезапно видит свои некрасивые ноги, которые даны павлину в назидание, и ужасно кричит:

Разширяет перия своя и показывает красоту свою, обаче Бог, иже сотвори его толь красна, даде ему безобразныя ноги, да смиряется сего ради, и той, егда приникает и видит ноги своя, вопиет велегласно³.

Каким же образом попугай с павлином пересеклись в народной культуре? Это может быть связано с функционированием в одном контексте, отчего возникали смысловые пересечения вплоть до синонимии. Бытовая роспись и деревянная резьба XVIII–XIX вв. насыщены изображениями различных птиц. Петухи с пышными хвостами и гребнями-венцами, красногрудые снегири, небывалые райские птицы и малоизвестные экзотические – все они собираются в условном идеализированном пространстве, на поверхностях ковров, клеенок, прялок, сундуков, чтобы несказанной яркостью и гиперболизированным изобилием украсить быт их наивного созерцателя.

Интерес к экзотике, проявляемый народной и массовой культурами, хорошо описан; не в меньшей степени их характеризуют собирательность и эклектичность. Особенно удобным для демонстрации «парада» прекрасных существ оказывается райский сюжет⁴. Согласно апокрифам и отдельным притчам, на земле существует реальная изолированная от остального мира территория чудесного сада, куда иногда проникают праведники, откуда «залетают» райские птицы⁵. Там произрастают благоухающие деревья, пестрые цветы, там поют вещие птицы – всё это великолепие изображалось компактно и символично в рукописной традиции, а затем широко развернулось в народной культуре с приращениями и усиленной красочностью. Люди, львы, орлы, чудесные птицы и кони, деревья и цветы сосуществуют бесконфликтно, в условном мире эдемской гармонии.

Уже в Средневековье топос рая символически мотивировал энциклопедизм сборников: составлялись так называемые «вертограды», «цветники», «луга духовные», пестрящие красотами мудрости и поучительными

³ Физиолог Дамаскина Студита. РГБ. Ф. 310, собрание В. М. Ундольского, № 688, л. 152 об.

⁴ Л. В. Вакар, *Расписные ковры Беларуси: между малярным ремеслом и массовой культурой*, [в:] *Наивное искусство и китч: основные проблемы и особенности восприятия*, Санкт-Петербург: Алетейя 2018, с. 81–93, вклейка л. 5 об. – 6.

⁵ В. Д. Черный, *Русские средневековые сады. Опыт классификации*, Москва: Рукописные памятники Древней Руси 2010, с. 48–49.

сюжетами, бережно собранными под одним книжным корешком. Изречения Святых Отцов в процессе создания новых списков собирательного характера нередко меняли авторство, патериковые сюжеты группировались вокруг новых героев, иные афоризмы приобретали стихотворный вид (видимо, для большей красоты и вычурности), а значит, увеличивались в объеме примерно в два раза.

Подобные деформации происходили и в народной культуре Нового времени, и особенно примечательны метаморфозы чудесных птиц. Книжная традиция русского Средневековья в основном разделяла феникса (возрождающуюся птицу без антропоморфных черт), алконоста (птицу, умиротворяющую морскую бурю во время высиживания птенцов), птицу-сирина (с женским лицом, наделенную способностью зачаровывать голодом: исполнять «песни рая» или убивать, лишая рассудка), гамаюна (райскую птицу, которая всю жизнь проводит в воздухе), хотя их характерные свойства, такие как обновление или воздержание, могли разделяться и другими персонажами. В ряде подобных аллегорических сюжетов орел возвращал себе молодость, смотрел прямо на солнце, отказывался от пищи, воды. В русской книжности чудесные птицы часто были символами праведности и аскезы. К этой группе примыкала и птица харадр (способная исцелить или предсказать выздоровление), ее оперение выделялось на фоне многих других не красочностью, часто сопоставимой с блеском драгоценных камней, а исключительной белизной: «харадр есть птица вся бела, отнюд не имый на себе пестроты»⁶.

Но постепенно, с конца XVII в., эти особенности утрачивались. Чудесные птицы уподоблялись друг другу, образовывали пары – например, сирин и алконост могли изображаться симметрично сидящими на древе без каких-либо визуальных отличий. В барочной поэзии и народной культуре собирательный образ райской птицы создавался двумя основными характеристиками: «видом и гласом». Эти слова наподобие девиза сопровождают сиринов, фениксов, гамаюнов и неподписанных птиц с человеческими головами от лубочных картин до бытовой росписи.

Итак, райская птица Нового времени наделена ярким оперением и волшебным голосом – иногда не только прекрасным, но и чарующим, имитирующим человеческое пение, разговор. Видимо, именно выражением этих определяющих свойств обусловлены многочисленные подмены птиц. У поздних сиринов и алконостов в книжной миниатюре и лубке появляются характерные павлиньи хвосты с «глазами» (рис. 3). Птица феникс в текстовом описании приобретает человеческие черты под влиянием лубочных изображений

⁶ Азбуковник, РГБ. Ф. 299, собрание Н. С. Тихонравова, № 1, л. 323 об.

своих «райских» аналогов⁷. Птица сирий, вырезанная на пряничной доске, получает подпись «фараон» – по аналогии с сиреной-фараонкой, которая осознавалась как крылатое и морское диво⁸. На другом прянике собраны павлин, канарейка и попугай, в основном не похожие на себя, но напоминающие петухов и индюков (рис. 4). Канарки или канарейки, как и снегири, получили в XVIII в. широкую популярность из-за исключительных свойств голоса, напоминавшего человеческое пение. Петухи и индюки изображались в тех же сюжетах, видимо, благодаря пышным хвостам.

В XVIII в. на русских печных изразцах появляется загадочная птица с человеческим лицом и именем в духе святцев: Молкофия. Это слово имеет отношение к названию Моллукских островов, где, согласно легендам, живет чудесная птица, подобная гамаюну (лишенная ног, пребывающая в вечном полете), а в природе, действительно, обитают попугаи и экзотические райские птицы. Древнерусские источники фиксируют другие варианты ее наименования: «манкория», «манцкодис», «манукодията» (*Manuso diatta* – «птица Бога»)⁹, место ее обитания соотносится также с мифическими Макарийскими или далекими Мальдивскими островами. Экзотическая молкофия изразцов, однако, ничуть не похожа на гамаюна древнерусских рукописей или более поздних эмблем: она попросту совмещает женскую голову и птичье тело. Упрощение происходило и на уровне названия: молкофия фигурировала не только под своим странным именем, но с той же частотностью переименовывалась в «птицу-девицу» и просто «заморскую птицу».

В древнерусской культуре попугай не был составляющей райского сюжета, образа Богородицы или пестрой толпы животных, входящих в Ноев ковчег, в отличие от европейского Средневековья. Эта птица не имела столь широкой известности на Руси до XVII в. Однако есть предположения, что в XV в. попугай, преподнесенный в качестве посольского дара, был истолкован именно как райская птица благодаря пестрому оперению¹⁰. В этом случае понятно уверенное вступление попугая в «пантеон» райских птиц в народном сознании Нового времени. Точно так же павлиньи перья

⁷ О. В. Белова, *Славянский бестиарий: словарь названий и символики*, Москва: Индрик 2001, с. 256.

⁸ А. А. Бобринский, *Народные русские деревянные изделия: предметы домашнего, хозяйственного и отчасти церковного обихода*, Москва: Издательство В. Шевчук 2014, табл. 124, вып. IX, № 3.

⁹ А. Е. Махов, *Эмблематика. Макрокосм*, Москва: Intrada 2014, с. 460; О. В. Белова, *Славянский бестиарий...*, с. 172–173.

¹⁰ В. И. Сахаров, *Русская масонская поэзия XVIII века (к постановке проблемы)*, «Русская литература» 1995, № 1, с. 11; Т. А. Матасова, *Попугай в Москве в 1490 году*, «Русь, Россия: Средневековье и Новое время» 2019, № 6, с. 128.

продавались в модных лавках XVIII в. под видом украшений, добытых из хвостов эдемских гостей.

Собирательный образ райской птицы, в рамках которого могли соотноситься павлин и попугай, петух и канарейка, сирийский и феникс, вернулся в книжную культуру и в сниженном, ироническом виде оказался востребован баснописцами. Если исключительность истинной райской птицы осознавалась в гармоничном сочетании зримого и звучащего, чудесного оперения и вещего голоса, то в поучительных сюжетах преобладают мотивы самозванства, глупого подражания, кичливости, щегольства, неуместности «вида и гласа» и избытка связанных с ними качеств¹¹. Очень характерны, например, высказывания А. С. Шишкова относительно чтения иностранных книг:

[...] Без знания языка своего мы будем точно таким образом подражать им, как человеку подражают попугаи, или иначе сказать, мы будем подобны такому павлину, который, не зная или пренебрегая красоту своих перьев, желает для украшения своего заимствовать оные от птиц несравненно меньше его прекрасных, и столько ослеплен сим желанием, что в прельщающий оно разноцветный хвост свой готов натывать перья из хвостов галок и ворон [...] и одним словом, вместо перенимающих слышимые звуки косноязычных попугаев, быть сладкогласными на своем языке соловьями [...]¹².

В этом отрывке причудливо соединяются птичьи образы, соотносимые через басенные сюжеты о чужом оперении и чужих талантах, причем сюжетный каркас изменен, перевернут, а соотнесения птиц (в первую очередь павлина и попугая) создают ироническую чрезмерность, призванную доказать, как глупо «любить некое невразумительное сборище слов, нелепым образом сплетаемых»¹³.

Многие аллегории, ставшие устойчивыми в поле русской басенной культуры, были заложены сборниками эмблем и старообрядческими притчами. Но если гордость павлина являлась общим местом с раннего времени, то глупость и обезьянничество попугая не были эмблематической константой в XVII–XVIII вв. Попугай считался в том числе птицей, наделенной большим умом. Через это свойство он сближается с ласточкой, скворцом, вороном и другими «говорунами» (считалось, что эти птицы способны давать глубокие осмысленные ответы, от природы говорят на иностранных языках и даже молятся). Видимо, свойство удивлять

¹¹ Р. С. Кимягорова, *«Ни пава ни ворона» (о басне «Ворона»), [в:] она же, «Мудрец игривый и глубокий». Крылов-баснописец*, Москва: МАКС Пресс 2020.

¹² А. С. Шишков, *Рассуждение о старом и новом слоге российского языка*, [электронный ресурс] http://az.lib.ru/s/shishkow_a_s/text_1803_rassuzhdenie_o_starom.shtml [01.04.2020].

¹³ Там же.

«гласом» позволяет попугаю окказионально подменить ворона в басенном сюжете XVII в. из сборников Йоста ван ден Вондела *Княжеский сад животных* (*Vorstelijke Warande der dieren*) и Андрея Виниуса *Зрелище жития человеческого*, восходящих, вероятно, к неизвестному переизданию *Театра нравов* (*Theatrum Morum*)¹⁴. Во вступительном стихотворении Вондела, где даются характеристики жителям «сада», о способностях попугая сказано: «De raregaai is tolk, die aan de uitheemsche volken» («Попугай – это переводчик, который принадлежит к чужим народам»)¹⁵. Басня под номером XXXI этого сборника знаменита тем, что в ней лис обманывает попугая, заставляя его расстаться с сыром. Эта замена попадает и в русский текст:

[...] Лисица некогда видя попугая на древе сидяща и сладкую ядь во устнех имуща, приступи к нему и рече: «Счастье тебе, о прекрасная птица, желаю! Не точию паче всех птиц на земли украшена еси, но паче всех животных разумом и гласом словесным, подобно человеком, одарованна еси и песнями таковыми, яже всякое мусикийское согласие превосходит. Сего ради молю тя, да воспой мне песнь на утешение печали моя!»

Попугай же, слышав сию хвалу, возрадовался и восхоте пети, и опусти ядь от уст своих. Лисица же посмеяся попугаю, восхити ядь его, отбеже [...]»¹⁶.

Лиса расхваливает и внешность птицы, и голос. Не совсем понятно, как оценивалось пение попугая, но впоследствии русская ворона вместо демонстрации «ангельского» голоса будет кричать, словно павлин в сюжете о безобразных ногах. Версия той же басни в изложении А. П. Сумарокова содержит набор образов, которые использовал Шишков:

И попугай ничто перед тобой, душа,
Прекраснее стократ твои павлиньих перья!
[...]
Ворона горлышко разинула пошире,
Чтоб быти соловьем...»¹⁷

Комплименты лисицы в баснях XVIII в., написанных на этот сюжет, всегда чрезмерны: это гиперсравнения, нарочитое нагромождение свойств

¹⁴ Р. Б. Тарковский, Л. Р. Тарковская, *Эзоп на Руси. Век XVII: исследования, тексты, комментарии*, Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин 2005, с. 477.

¹⁵ J. Vondel, *De complete werken van Joost van Vondel*, [электронный ресурс] <https://www.litres.ru/joost-van-de-vondel/de-complete-werken-van-joost-van-vondel-2/chitat-onlayn/> [01.04.2020].

¹⁶ Р. Б. Тарковский, Л. Р. Тарковская, *Эзоп на Руси...*, с. 316.

¹⁷ А. П. Сумароков, *Ворона и лиса*, [электронный ресурс] <https://rvb.ru/18vek/sumarokov/01text/01versus/17parables/134.htm> [01.04.2020].

разных птиц с «райской» репутацией или царственными признаками (во многих текстах ворона или ворон сравниваются с орлом: птицей Зевса, царь-птицей).

Поэтичность образам райских птиц вернут художники-модернисты и авторы Серебряного века, создав для них новую мифологию. Однако в наивном искусстве соотнесение сказочных и колоритных птиц (орел, петух, индюк, павлин, алконост) в условном пространстве праздника, рая существует до сих пор (рис. 5).

References

- Azbukovnik*. RGB. F. 299, sobranie N. S. Tikhonravova, No. 1.
- Belova, Olga V. *Slavyanskii bestiarii: slovar nazvanii i simboliki*. Moskva: Indrik, 2001.
- Bobrinskii, Aleksandr A. *Narodnye russkie derevyannye izdeliya: predmety domashnego, khozyaistvennogo i otchasti tserkovnogo obikhoda*. Moskva: Izdatelstvo V. Shevchuk, 2014.
- Chernyi, Valentin D. *Russkie srednevekovye sady. Opyt klassifikatsii*. Moskva: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2010.
- Fiziolog Damaskina Studita*. RGB. F. 310, sobranie V. M. Undolskogo, No. 688.
- Kimyagarova, Roza S. *'Mudrets igrivyi i glubokii'. Krylov-basnopisets: sbornik statei*. Moskva: MAKSPress, 2020.
- Kniga glagolemaya estestvoslovnaya*. RGB. F. 68, sobranie Generalnogo shtaba, No. 6743.
- Makhov, Aleksandr E. *Emblematika. Makrokosm*. Moskva: Intrada, 2014.
- Matasova, Tatyana A. "Popugai v Moskve v 1490 godu". *Rus, Rossiya: Srednevekovye i Novoe vremya*. No. 6 (2019): 126–129.
- Sakharov, Vsevolod I. "Russkaya masonskaya poeziya XVIII veka (k postanovke problemy)". *Russkaya literatura* 1995, No. 1 (1995): 3–26.
- Shishkov, Aleksandr S. *Rassuzhdenie o starom i novom sloge rossiiskogo yazyka*. http://az.lib.ru/s/shishkow_a_s/text_1803_rassuzhdenie_o_starom.shtml
- Sumarokov, Aleksandr P. *Vorona i lisa*. <https://rvb.ru/18vek/sumarokov/01text/01versus/17paras/134.htm>
- Tarkovskii, Rostislav B., Tarkovskaya, Lana R. *Ezop na Rusi. Vek XVII: issledovaniya, teksty, kommentarii*. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin, 2005.
- Vakar, Lyudmila V. *Raspisnye kovry Belarusi: mezhdru malyarnym remeslom i massovoi kulturoi*. In: *Naivnoe iskusstvo i kitch: osnovnye problemy i osobennosti vospriyatiya*, ed. N. A. Musyankova. Sankt-Peterburg: Aleteiya, 2019: 81–93; vkleika l. 5 ob–6.
- Vondel, Joost van. *De complete werken van Joost van Vondel*. <https://www.litres.ru/joost-van-de-vondel/de-complete-werken-van-joost-van-vondel-2/chitat-onlayn/>.

© by the author, licensee Lodz University – Lodz University Press, Lodz, Poland. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution license CC-BY-NC-ND 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

ANEKS DO ARTYKUŁU OLGI KUZNIECOWEJ /
ПРИЛОЖЕНИЕ К СТАТЬЕ ОЛЬГИ КУЗНЕЦОВОЙ

Рис. 1. Птица павлинь. Прялка северодвинская. Конец XIX – начало XX века. Музей фресок Дионисия. Ферапонтово. Фото Ольги Кузнецовой

Рис. 2. Европейский и русский павлины: Уорксопский bestiарий (Worksop bestiary), 1185. Библиотека и музей Моргана. Слово о рассечении человеческого естества. XVIII в. РНБ

Рис. 3. Сирин, миниатюра. XIX в. РНБ

Рис. 4. Птицы. Наборная пряничная форма: реконструкция

Рис. 5. Современная пряничная форма, составленная из отдельных реконструированных фигур. Городец